

А ведомо ли вам, которая вещь для солдата, в дозоре присутственна, важнейшая есть?..

Впрочем, это так себе коллизия, второстепенная. Главная интрига вот в чем: Алексей Иванов издал новый роман. Исторический. Но Иванов. Но исторический... и что в итоге перевесит?

FOLK-HISTORY

Я иной раз диву даюсь: и как только нашим прозаикам удалось школу закончить?

Афлатуни приладил затвор к капсульному солдатскому ружью образца 1845 года. Юзefович вооружил казаков саблями вместо табельных шашек образца 1838 года. Прилепин досрочно ликвидировал НЭП и пролонгировал действие сухого закона аж до первой пятилетки. Яхина в 1945-м двинула Красную Армию на Париж. Гиголашвили нарядил Ивана Грозного в бушлат. Акунин... ну-у, тут целый список. Хватит и того, что батано Чхартишвили в последнем романе фандоринского цикла пустил в оборот небывалые 10-рублевые керенки и досрочно применил метрическую систему мер.

Но пермский самородок даже в этой команде второгодников не затеряется. Иванов нацепил на сабли бунчуки вместо темляков, сдал в эксплуатацию Опричный дворец с двухлетним опережением графика и вооружил коми-пермяков скифскими акинаками. А еще вынудил Ивана Грозного чеканить медную монету и подарил государю Апокалипсис в синодальном переводе 1820 года.

Опусы такого рода не переводились – сужу по едким пародиям Аверченко и Ардова. Надеюсь, и вы не забыли: высокая грудь в кокошнике, полный кафтан пенистого каравая... В последнее время этот жанр получил название folk-history. *«Дилетант пишет для дилетанта»*, – пояснил его специфику профессор ВШЭ Игорь Данилевский. History в ивановском изводе как-то уж чересчур folk. Зато читатель счастлив, потому что ленив и нелюбопытен (ежели кому интересно: <https://www.labirint.ru/reviews/goods/559070/>).

ВЫ МИЛОГО УЗНАЛИ ПО ПОХОДКЕ?

Не скажу, что Иванов на 100 процентов статичен. В «Тоболе» он почти начисто вылол тропы и снизил дозу эротики до гомеопатической. Нет здесь неевклидовых рыб с лунными глазами и ружей-фаллоимитаторов. Экая жалость: все это недвусмысленно и нелицеприятно говорило об авторских вкусах. Но остальное на привычных местах.

«Тобол» издан в серии «Новый Алексей Иванов» – верить не советую. Текст смонтирован из тех же деталей, что и «Золото» с «Пармой»: вагон

драматургических излишеств, love story с ханты-мансийской дивой, долгие и нудные, как репортаж Губерниева, поиски сокровища и урманы-шаманы-ургаланы.

С идеями у А.И., как всегда, ощутимые проблемы. Потому сюжета в «Тоболе» нет, есть мини- и микросюжеты, которые ничто не цементирует, кроме времени и места. Рано или поздно нагрянет неумолимый предожный падеж: о ком, о чем? Клариса Пульсон, вся такая эстетная, мудрствует лукаво: «"Тобол" – роман о пространстве, о судьбах пространства, о судьбах людей, которые в это пространство попали». Хм. В эти ворота въедет вся мировая литература от «Илиады» до «Вечного зова». А конкретнее нельзя? Нельзя. Ибо невозможно.

Отсюда – батальон ненужных персонажей, единственное назначение которых – мозолить глаза читателю. Иванов, не зная, куда их девать, строчит смертные приговоры со скоростью тройки НКВД. Запорожский полковник Григорий Новицкий – утоплен за ненадобностью. Остяцкий шаман Хемьюга – расстрелян. Вогульский шаман Нахрач – зарезан. Бухарский купец Касым – зарезан. Вогульский князек Сатыга – зарезан. Остячка Хомани – утоплена. Джунгарский зайсанг Онхудай – расстрелян. Драгун Юрка – зарезан. Группов хватит на приличный синодик. Во блаженном успении живот и вечный покой подаждь, Господи, безвинно убиенным рабам твоим...

Несмотря на явный профицит персонажей и фабульных линий, фактура у сочинителя кончается в первой трети второго тома. Гибнет полк Бухгольца, отправленный губернатором на верную смерть ради гешефта с китайцами. Все, госизмена налицо, а дальше Преображенский приказ, суд и петля. Но суров договорный объем, суровее императора Петра I Алексеевича. Иванов принимается выдумывать эрзац-сюжеты о поиске ермаковых кольчуг и снаряжает аж две экспедиции: одну к вогулам, другую к джунгарам. И как не надоест? – ведь искали уже: и Золотую бабу в «Парме», и пугачевский клад в «Золоте»...

До оскомины знакома и таежная прелестница, что водится с нечистой силой. Барышне уже в третий раз меняют паспорт: пермячка Тиче, вогулка Бойтэ, остячка Айкони. Она же Элла Кацнельбоген, она же Людмила Огуренкова, она же Валентина Панеяд.

Плюс еще одна константа: бесы, оборотни и прочие упыри, на живую нитку пришитые к реалистическому тексту.

Язык прежний: глокая куздра по шею в абырвалге. Когда зайсанг посылает хошун и запсор штурмовать транжемент и ретраншемент, где засел пехотный detaшемент, – тут, воля ваша, хоть святых выноси.

В сумме все названное дает стандартную ивановскую фэнтэзятину в легком историко-этнографическом гриме. Сорок бочек вогульских арестантов, семь верст до небес и все на шитике. Вообще, Средиземье для А.И. – то же, что Париж для Хемингуэя: a moveable feast. Нынче оно переехало на дикий берег Иртыша.

ПОЗДРАВЛЯЮ, СОВРАМШИ!

Степень достоверности «Тобола» примерно та же, что и в ролевых играх толкиенистов.

Государыня Наталья Кирилловна, извольте видеть, благополучно дожила до 1709 года, чтобы встретить сына после вельми преславной полтавской виктории.

Царская кобыла Лизетта тоже пережила самое себя. Стоять бы ее чучелу в Кунсткамере, но наш добрый Айболит пришел лошадке новые ножки, и она зело борзо добежала по дорожке аж до 1721 года. Цирк с конями, ага.

Матвей Гагарин зарос бородой. Был бы раскольничий начетчик, я бы понял, – но тобольский губернатор, государев человек?

Шведский лейтенант Михаэль Цимс невесть за какие проступки разжалован в рядовые.

«Чеснок», противопехотное и противоконное заграждение, вдруг превратился в *«железные косы»*. Алексей Викторович, хоть на картинку в Википедии гляньте для общего развития...

Ну и бунчуки, как же без них-то? *«Ехали могучие воины хошуна... Они были в кожаных латах и железных шлемах с меховой оторочкой, на остриях шлемов раскачивались цветные бунчуки»*. Алексей Викторович, объясняю популярно и в последний раз: коли конский хвост на древке – это бунчук, а коли на шлеме – еловец, подробности у Фасмера. И, если на то пошло, это у ножа острие, а у шлема наверхие. С вас пять рублей за консультацию.

Наши офицеры, хоть и не бунчужные, а тоже не пальцем деланы: чуть что, грозят друг другу картелем и поединком. Будто и не читали государев «Артикул воинский»: *«Как вызыватель, так и кто выйдет, имеет быть казнен, а именно повешен»*.

Вопросы есть? А то могу продолжить.

Чуть не забыл – обещанная викторина: которая вещь есть для дозорного наиважнейшая? Минута на размышление, время пошло. Помажем на коньяк, что не угадаете? Внимание, правильный ответ: солдат полковника Бухгольца заступает на боевое дежурство с веселым

другом барабаном у седла. Жаль, полковое знамя не прихватил для полного и безоговорочного идиотизма...

ПОЧЕМ ОПИУМ ДЛЯ НАРОДА?

Религиозными суррогатами Иванов торгует широко: распивочно и на вынос, оптом и в розницу. Он всегда слыл экспертом по раскольничьим толкам и язычеству – а нынче, опричь того, продемонстрировал отменные познания в новообрядческом православии и буддизме.

Начнем, пожалуй, с остяцких и вогульских богов – они давно у Алексея Викторовича на побегушках. Нынче в мансийском пантеоне новое штатное расписание:

«Наши реки стерегут вакули... Зверей рождает Калтац... Весь мир каждый день верхом на лосе объезжает Мир-Суснэ-Хум, он охраняет порядок».

Профессор, снимите очки-велосипед, пока не уронили. Сказано же вам: Полум-Торум, Тахт-котиль-ойка и прочие речные боги уволены без выходного пособия. Их место заняли вакули, пермяцкие водяные. И тут гастарбайтеры, да. Калтац-эква сменила работу, рожениц больше не опекает. Ей самой акушерская бригада нужна: еж застрял. А у Мир-суснэ-хума, говорите, есть второе имя – Лувн-хум, конный человек? Ничего, лось у Иванова – тоже гужевой транспорт. Еще со времен «Пармы».

В пантеоне хантов кадровых перестановок вроде бы нет. Зато есть новый топ-менеджер – ведущий специалист по любовной магии Сынга-чахль (в дословном переводе – «гора черной утки», что за прелесть эти сказки).

Буддистов Ваджраяны ждет всего один сюрприз. Зато убойный, сотня килотонн в тротиловом эквиваленте:

«Исступленное непокорство вызывало оторопь, а не уважение. Такое бывает у докшитов – злых демонов, которые от голода раскапывают могилы».

До Иванова докшиты числились защитниками веры: Желтая Тара – гневная эманация будды Ратнасамбхавы, шестирукий Махакала – гневная эманация бодхисаттвы Авалокитешвары... Профессор, вам дурно? Носилки сюда, срочно!.. Придется продолжать в одиночку.

Больше всего открытий предстоит православным. Послушайте тобольского митрополита Филофея: *«Без крещенья душа не будет бессмертной».* Выходит, зря мученик Уар и преподобный Лев Оптинский молились за умерших некрещеными. Хотя А.И., великий церковный реформатор отрихтовал не только догматы, но и суточный круг

богослужения: *«Владыка <митрополит Иоанн – А.К.> зашел проверить, как здесь готовятся к вечерней литургии».*

Страшное место Тобольск: рассадник схизмы и лжеучений. Вообще-то, за злокозненные оные ереси содрали бы с митрополитов омофоры да сослали бы в захолустный монастырь на вечное покаяние, изрядно допрежь батогами бив. Но сами понимаете, сибирское Средиземье: тайга закон, Иванов прокурор. Я грешным делом ждал какого-то архинепотребства: жертвоприношений Екарному Бабаю, усекновения главы святой Матроны Московской, – но обошлось. И на том спасибо.

Слышь, Ляксея, ты в урман шляться не моги – вогуличи на тебя ноне шибко осерчали, не ровен час шаманы порчу наведут. И в степь боле не суйся – мунгалы за бурханов враз на копыа подымут. А шел бы ты, паря, в церкву – грехи отмаливать. Да и туды, поди, не пустят – ну, разве к вечерней литургии...

ВЕЛЬМИ ПОНЕЖЕ

«Языковая компетенция автора простирается далеко за пределы словаря Даля», – заметил однажды Лев Данилкин. Согласен. С одной лишь оговоркой: за пределы всех словарей, а также логики и здравого смысла.

Джунгарский нукер в разгар схватки орет: *«Хэрэв та ууртай хулгана байна!»* Зная любовь А.И. к лингвистическим – э-э... как бы выразиться помягче? – приколам, я забил фразу в два онлайн-переводчика разом. Они между собой почти согласились. Яндекс выдал в ответ: *«Вы сердитесь мыши»*, а webtran – *«Вы сердитесь с помощью мыши»*...

Я это вот к чему: для Иванова нет ни лексикологии, ни грамматики, есть лишь фонетика: чем чуднее, тем лучше. Оттого тобольские хоббиты ботают по средиземской фене – смеси ивановского с нижегородским, украинским и... в общем, по ситуации.

Впечатляет полковник Новицкий, что пишет на русском литературном языке петровской эпохи, но висловлюється якоюсь дикою мовою: *«Поплысти мрецы», «Нэ спорув», «А дывчину ти просты»* та інше в тому ж роді. Гаразд дівчину пробачу, але письменника...

Пуще всех мне по душе пришелся раскольник отец Авдоний. Все наши прозаики хронически путают звательный падеж с именительным, я уже почти привык. Но у Авдония звательный успешно заменяет всех падежов: *«Се не Мисаиле глаголет. С брате Мисаиле мы сквозе преисполню продралися»*. А вот еще шедевр: *«Где убо спасение обресть, понеже Корабля?»* Тут, чтоб продраться сквозе, онлайн-толмач уже не нужен: *«Где поэтому спасение обресть, потому что Корабля?»* Алексей

Викторович, не вы ли у Гайдая режиссером Якиным работали? – стилистика та самая: вельми понеже.

Хэрэв та ууртай хулгана байна? – а кто ж вам виноват...

ДАРЫ МЕФИСТОФЕЛЯ

Константин Мильчин, рецензируя «Тобол», сочинил целую фаустиану: *«Писатель Алексей Иванов гулял по Перми и встретил черта. Нечистый немедленно предложил сделку: пусть Иванов отдаст ему свою душу, а взамен черт подарит ему талант писать гениальную прозу».*

Ай молодца критик, затеял было осанну, а вышла чистой воды анафема. О природе бесовских даров прошу читать у Гете: *«Плоды, гниющие в тот миг, когда их рвут, / И дерево в цвету на несколько минут».* Как раз случай Иванова.

ЭПИЛОГ

Напоследок, простите, о личном.

И се аз, многогрешный, сокрушихся сердцем и воззвах ко Господеви: долго ли ми муки сея будет – читать эту убогую хрень, яже не токмо ученым мужем, но и чадом ко смеху? И отвеща Господь: до самыя смерти...

Добро. Ино еще побредем.